

К.В. Душенко
«СТО МИЛЛИОНОВ ГОЛОВ»,
ИЛИ ЦЕНА РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Вопрос о цене революции, измеряемой человеческими жизнями, рассматривается как сюжет русской литературы и европейской истории. «Сто миллионов» играют здесь роль некой символической цифры.

Ключевые слова: революционный террор; Достоевский; Солженицын; Марат; Карл Гейнцен.

Dushenko K.V. «A hundred million heads» or The price of revolution

Summary. The article deals with the price of revolution regarding human lives as it is represented in the Russian literature and European history. «A hundred million» plays here a symbolic role.

Keywords: terror of revolution; Dostoevsky; Solzhenitsyn; Marat; Karl Heinzen.

Тема цены «большевистского эксперимента» – центральная в «Архипелаге ГУЛАГе».

В I томе «Архипелага», законченном в 1968 г. и опубликованном в 1973 г., читаем: «По подсчетам эмигрировавшего профессора статистики И.А. Курганова, от 1917 до 1959 года без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости, – оно [внутреннее подавление] обошлось нам в... 66,7 миллиона человек (без этого дефицита –

55 миллионов). <...> Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных» (ч. 3, гл. 1)¹.

Имелась в виду статья И. Курганова (наст. фамилия Кошкин) «Три цифры», впервые опубликованная в «Новом русском слове» (Нью-Йорк) 12 апреля 1964 г. Впоследствии эта статья неоднократно перепечатывалась и цитировалась.

«Ф. Достоевский, – писал Курганов, – еще в 1871 г. высказал предположение, что социальное переустройство общества может обойтись народу в сто миллионов голов». Собственные подсчеты Курганова превысили эту цифру: «...Население СССР потеряло в связи с событиями 1917–1959 гг. сто десять миллионов человеческих жизней», причем «в невоенное время, во время революции и революционного преобразования России народ потерял шестьдесят шесть миллионов семьсот тысяч человек»².

Эту цифру повторил Солженицын в интервью испанскому ТВ 20 марта 1976 г.: «Итак, всего мы потеряли от социалистического строя – 110 миллионов человек!»³.

Несколько дней спустя автор «Архипелага...» еще раз высказался на эту тему: «...Достоевский предсказывал, что социализм обойдется России в 100 миллионов жертв. Цифра казалась невероятной». Но «мы узнаем, что Достоевский если ошибся, то в меньшую сторону. Социализм обошелся нынешнему Советскому Союзу с 1917 по 1959 – в 110 миллионов человек». (Лекция для радио Би-би-си; передавалась по внутреннему британскому радиовещанию 24 марта 1976 г. Английский текст опубликован в «Times» от 2 апреля, русский текст – в «Вестнике РХД», 1976, № 117)⁴.

Месяц спустя Анатолий Кузнецов на радио «Свобода» развил тему пророчества:

«Но откуда взялась у Достоевского эта поистине апокалипсическая цифра в сто миллионов голов? Просто так, первое, что к слову пришлось? Да нет, не думаю... Он глубоко понимал сущность грозящей катастрофы, много думал, прикидывал и эти “сто миллионов” написал либо совершенно трезво-обдуманно, серьезно, либо, если (как это у настоящего писателя часто бывает) оно как бы “само собой написалось”, это был голос интуиции художника, а это еще серьезнее. Интуиция художника может открывать или предугадывать такие вещи, которые наука, скажем, лишь через

сотню лет по всем правилам откроет, докажет»⁵. («Сто десять миллионов», передача из цикла «Писатель у микрофона», 23 апреля 1976 г.).

В годы «перестройки» о «100 миллионах жертв» коммунистического строя писали многие авторы; вспоминали при этом и о «пророчестве» Достоевского.

Подсчеты Курганова были подвергнуты критике уже в эмигрантской печати; в настоящее время историки считают их безусловно завышенными.

Цифра, которая задним числом была сочтена «предсказанием» Достоевского, содержалась в романе «Бесы» (1871). Преподаватель гимназии Липутин говорит Верховенскому: «Они <...> держатся новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей. Они уже больше чем сто миллионов голов требуют, для водворения здравого рассудка в Европе <...>» («Бесы», I, 3, 4)⁶.

Позднее тот же Липутин повторяет: «Нам вот предлагают, чрез разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки с единственною целию всеобщего разрушения, под тем предлогом, что как мир ни лечи, все не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку» («Бесы», II, 7, 2)⁷.

Верховенский по этому поводу замечает: «“Сто миллионов голов”, это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов?»⁸.

Именно эта логика оправдания массового террора использовалась сперва якобинцами, а затем их последователями, включая большевиков.

Заметим, что в первом случае Липутин излагает мысли Кириллова, а во втором ссылается на «листки иностранной фактуры». Тем не менее обычно мысль о «ста миллионах голов» приписывают Шигалеву – главному теоретику среди «бесов» Достоевского.

Очевидно, что в «Бесах» «сто миллионов голов» – не предсказание, а заведомая гипербола или, как говорит Верховенский, «метафора». Смысл ее в том, что никакая цена, измеряемая в человеческих жизнях, не может быть слишком велика для построения

нового общества – общества, в котором от «свободы, равенства и братства» оставлено только равенство.

Ближайший источник «метафоры» указан комментаторами «Бесов». Это фрагмент «Былого и дум» Герцена (ч. V, гл. 37; опубл. в 1859 г.). Герцен своими словами излагает мысль немецкого республиканца Карла Гейнцена (1809–1880): «Достаточно избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу»⁹.

Здесь же, беседуя с другом Гейнцена, Герцен замечает:

«– Зачем же <...> ваш приятель пишет такой вредный вздор? Реакция кричит, да и имеет право – что за Мара [т.е. Марат], переложенный на немецкие нравы, да и как требовать два миллиона голов?»¹⁰.

Ф. Энгельс еще в 1847 г. говорил о переходе Гейнцена «от либерализма к кроваждному радикализму»¹¹. После поражения революции 1848–1849 гг. Гейнцен эмигрировал в Лондон. Здесь в немецкоязычной «Deutsche Londoner Zeitung» от 9 и 16 ноября 1849 г. появилась его статья «Уроки революции» («Lehren der Revolution»), изданная также в виде брошюры.

23 ноября в лондонской «Таймс» было опубликовано письмо за подписью «Антисоциалист», автор которого, объявив Гейнцена «светочем немецкой социал-демократической партии», призывал министра внутренних дел «в 24 часа выслать из Англии лиц, проповедующих эти дьявольские доктрины». В письме, в частности, говорилось, что Гейнцен предлагает убить «два миллиона реакционеров» в ходе близящейся революции на континенте Европы¹². Автор письма добавлял: «Реакционер – это, надо думать, любой, со взглядами которого г-н Гейнцен не согласен»¹³.

3 декабря в «Таймс» появилась статья, в которой «Уроки революции» цитировались по письму «Антисоциалиста»¹⁴. Заметки в «Таймс» привлекли внимание французской и немецкой печати. В частности, христианский социалист Ф. Ламенне резко осудил Гейнцена в газете «Реформа» (Париж).

4 декабря Гейнцен послал в редакцию «Таймс» (а затем и в редакцию «Реформы») письмо с ответом на обвинения. Однако по-английски напечатать это письмо удалось только во второстепенном лондонском еженедельнике «The Reasoner» и одновременно, уже по-немецки, в эмигрантском журнале «Völkerbund»

(Женева). Выдержки из «Уроков революции» цитируются далее по этому письму.

«Возможно, – писал Гейнцен, – что предстоящее Европе великое революционное излечение (*die große Revolutionskur*) обойдется в несколько миллионов голов. Но стоит ли принимать в расчет жизнь двух миллионов негодяев [*Schurken*¹⁵] там, где речь идет о счастье двухсот миллионов людей?»¹⁶.

«Великое революционное излечение» наводит на мысль о формуле из «Бесов»: «Мир как ни лечи, все не вылечишь», хотя Достоевский не был знаком с оригинальным текстом брошюры Гейнца.

Фраза о «жизни двух миллионов негодяев» приведена и в оправдательном письме Гейнца. Тем не менее здесь же он, вопреки очевидности, утверждал: «...Я нигде не выдвигал требования, что должны пасть 2 000 000 голов. <...> Я лишь допустил “возможность”, что предстоящая европейская революция может стоить 2 000 000 голов, и присовокупил к этой возможности мнение, что даже столь великая жертва не будет слишком высокой ценой, *если так, и только так* может быть куплено счастье 200 000 000 людей»¹⁷.

В подтверждение правомерности такого подхода Гейнцен цитировал высказывание знаменитого историка Томаса Маколя по поводу английской колонизации Ирландии:

«...Поистине, более милосердно изгнать сотню тысяч человек сразу и заполнить образовавшуюся пустоту хорошо управляемым населением, нежели плохо управлять миллионами на протяжении множества поколений. Нам гораздо легче простить огромные тяготы, причиненные ради великой цели, чем бесконечный ряд мелких стеснений и притеснений, лишенных какой-либо разумной цели» (эссе «Сэр Уильям Темпл», 1838)¹⁸.

В наше время именно это высказывание Маколя приводится в доказательство того, что английский историк доходил до оправдания геноцида.

В приведенных выше словах Герцена имя Марата появилось недаром. Именно он был прародителем «метафоры» о «миллионах голов». Поначалу «друг народа» называл сравнительно умеренную цену за всеобщее благоденствие: «Пятьсот-шестьсот отрубленных

голов обеспечили бы вам покой, свободу и счастье» (памфлет «С нами покончено», 26 июля 1790 г.)¹⁹.

Вскоре цена возросла: «Возможно, потребуется отрубить пять-шесть тысяч голов; но, если бы даже пришлось отрубить двадцать тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты» («Чудовищные недостатки конституции...», опубл. в газ. «Друг народа» от 16 дек. 1790 г.)²⁰.

Затем счет пошел на сотни тысяч голов: «...Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы двухсот тысяч этих злодеев» («Публицист», 7 апр. 1792 г.)²¹.

В конце 1795 г. той же риторикой воспользовался ультра-роялист граф Луи де Антрег (1753–1812). В разгар полемики с умеренным монархистом, графом Франсуа Монлозье, он заявил: «Монлозье находит меня неумолимым; он прав; я буду Маратом контрреволюции, я отрублю сто тысяч голов, и первой – его собственную»²².

В позднейшей публицистике и исторической литературе число голов, которые требовал отрубить Марат и его сторонники, доходило до 300, 500 и даже 600 тыс.²³ Но, по-видимому, именно Гейнцен первым повел счет на миллионы.

Правда, Гейнцен был готов заплатить жизнями 2 млн за «счастье 200 000 000 людей», т.е. Европы без России и Османской империи, тогда как Марат требовал 200 тыс. голов в одной только Франции, насчитывавшей тогда около 28 млн человек. «Сто миллионов голов», которых требуют «нигилисты» у Достоевского «для водворения здравого рассудка в Европе», намного превышали тогдашнюю численность населения Российской империи.

Едва ли не ближе всех к «метафоре» Достоевского подошел В. Белинский в один из моментов своих революционно-социалистических увлечений: «Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» (письмо к В.П. Боткину от 28 июня 1841 г.)²⁴. Разница только в том, что целью «истребления» у Белинского, как и у прочих последователей Марата, является «счастье», тогда как в «Бесах» истребление имеет целью исключительно равенство, причем «равенство в рабстве», по формуле Верховенского.

Через несколько лет после «Бесов» к той же теме, но в совершенно другом ключе обратился Салтыков-Щедрин. В цикле очерков «Помпадуры и помпадурши» читаем:

«– <...> Вспомни этих двух нигилистов, которых мы возили по городу!

– Но они были миленькие, Theodore!

– Миленькие! <...> D'un seui coup elles vous demandent cent milles têtes à couper! Excusez du peu! [Они сразу требуют ста тысяч голов! Ни больше, ни меньше!)] («Помпадур борьбы...», 1873)²⁵.

«– <...> Но ведь они сто тысяч голов требуют... ah! c'est très grave ça! [ах, это так ужасно!]

– Сплетни, мой друг. У меня один нигилист поташным заводом заведовал (mais un nigiliste pur sang, mon cher!) [нигилист чистых кровей, мой дорогой!], так я с ним откровенно об этом говорил: “Правда ли, спрашиваю, господин Благосклонов, что вы сто тысяч голов требуете?” – “Никогда, говорит, ваше сиятельство, этого не бывало!...”» («Зиждитель», 1874)²⁶.

Очерк «Помпадур борьбы» полон аллюзий на события, связанные с Парижской коммуной. В комментарии к этому очерку упоминается о требовании, которое приписывалось коммунарам в буржуазной прессе: «Гильотинировать “сто тысяч голов” буржуазии»²⁷. Однако нам не удалось отыскать обвинений подобного рода. Более вероятно, что щедринские «сто тысяч голов», которых требуют «нигилисты», были ироническим откликом на «сто миллионов голов» Достоевского.

Казалось бы, Щедрин слишком легко отмахнулся от темы, поднятой нелюбимым им Достоевским. Но можно сказать и так, что он подошел к ней с другой стороны – в «Истории одного города». Этот исторический памфлет оказался, как мы полагаем, ничуть не менее пророческим, чем антиреволюционный памфлет Достоевского, хотя исходил из совершенно других предпосылок. В откликах современников на большевистскую революцию щедринские образы возникают едва ли не чаще, чем образы «бесов» Достоевского. Вот один из примеров: 30 декабря 1920 г. Николай Окунев, до революции умеренный либерал и сторонник конституционной монархии, записывает в своем дневнике: «Обращаю читателя к подлиннику и прошу его, не смущаясь тем, что Угрюм-Бурчеев гениально выдуман Щедриным как образец

зарвавшегося реакционера, – проверить меня: правда ли, что Советизацию устраивали не кто иные, как Угрюм-Бурчеевы? Почитайте эту главу (13) [“Истории одного города”], да повнимательнее. Она стоит 13-й главы Откровения Иоанна Богослова»²⁸.

Ранее цифра «100 тыс.» – как возможное и допустимое число жертв русской революции – встречалась в прокламации «К молодому поколению», написанной Н.В. Шелгуновым и М.Л. Михайловым весной 1862 г.: «Если <...> пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого»²⁹.

С формулой «100 миллионов голов» перекликается высказывание, приписанное Ленину во второй половине XX в.: «Совершенно неважно, если три четверти человечества будут уничтожены; важно лишь то, чтобы оставшаяся четверть была коммунистами».

Оно было приведено эмигрантом «второй волны» Николаем Трофимовичем Гончаровым на слушаниях в подкомитете Сената США по внутренней безопасности 14 июля 1954 г. и опубликовано в официальном издании «Congressional Record» под заглавием «Стратегия и тактика мирового коммунизма». Рональд Рейган цитировал это апокрифическое высказывание Ленина 30 с лишним лет спустя, осенью 1985 г.³⁰

XX век, можно сказать, приучил нас к цифре «100 млн жертв» как своего рода символической цифре.

Советский пропагандист 1960-х годов приводил эту цифру для обличения преступлений капитализма: «В мире сказок нет ни одного чудовища, которое уносило бы столько человеческих жизней, выпивало бы такое количество крови, <...> как капитализм. <...> За три с половиной столетия господства буржуазии человечество положило на алтарь войны более 100 миллионов жертв. Из них 85 миллионов приходится на XX век, т.е. на период империализма»³¹.

Согласно американскому историку Дэвиду Станнardu, автору книги «Американский холокост» (1992), в 100 млн жертв обошлась европейская колонизация Америки³². Эта малодостоверная цифра была принята рядом исследователей и получила известность в широкой печати.

В 1993 г. единогласным решением Конгресса США был создан Фонд памяти жертв коммунизма. В законе о его создании говорилось: «С 1917 года правители [коммунистических] империй

и вожди международного коммунизма во главе с Владимиром И. Лениным и Мао Цзэдуном были ответственны за гибель более 100 000 000 жертв беспрецедентного имперского коммунистического холокоста посредством завоеваний, революций, гражданских войн, [этнических] чисток, войн “чужими руками” [wars by proxy] и других насильственных методов³³.

Вероятно, и здесь цифра «100 млн» появилась не без идейного влияния автора «Архипелага ГУЛАГа», а стало быть, косвенно – и Достоевского с его «Бесами».

¹ *Солженицын А.И.* Собрание сочинений: в 20 т. Вермонт; Париж, 1980. Т. 6. С. 12.

² *Курганов И.* Три цифры // Посев. – Франкфурт н/М., 1977. № 12. С. 54, 57.

³ *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Статьи и речи. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 451.

⁴ Там же. С. 287.

⁵ *Кузнецов А.В.* На Свободе. Беседы у микрофона, 1972–1979. М., 2011. С. 456–457.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 77.

⁷ Там же. С. 314.

⁸ Там же. С. 315.

⁹ *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Академия наук СССР, 1956. Т. 10. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 4. С. 303. («Коммунисты и Карл Гейнцен».)

¹² Там же. 1956. Т. 7. С. 3. (Ф. Энгельс. «Немецкие социал-демократы и “Times”. Редактору “Northern Star”».)

¹³ Цит. по заметке: *Neuestes // Allgemeine Zeitung. München, 1849. N 333. 29 November. P. 5190.* (Перепечатно в ряде других немецких газет.)

¹⁴ *Heinzen K.* Letter by m. Charles Heinzen, to the editor of the «Times» // *The Reasoner and Theological Examiner.* London, 1850. N 3. Jan. 23. P. 23.

¹⁵ В английском авторском переводе «scoundrels».

¹⁶ *Heinzen K.* An den Herausgeber der Times. (Zugleich der «Reform» gewidmet) // *Der Völkerbund.* Genf. 1849. N 1 (Probennummer). 1. Dezember. S. 72.

¹⁷ Там же. S. 71; также: *Heinzen K.* Letter <...> to the editor of «The Times» [Окончание] // *The Reasoner and Theological Examiner.* London, 1850. N 4. Jan. 23. P. 28.

¹⁸ *Heinzen K.* Letter by m. Charles Heinzen... P. 28.

¹⁹ *Марат Ж.П.* Избранные произведения: в 3 т. М., 1956. Т. 2. С. 185.

- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 235.
- ²¹ Там же. Т. 3. С. 292.
- ²² *Montlosier F. de*. Souvenirs d'un émigré (1791–1798). Paris, 1951. P. 297.
- ²³ Напр.: *Noël F.-J.-M.* Ephémérides politiques, littéraires et religieuses: Paris, 1812. Т. 7. P. 288; *Rapon J.-P.* Histoire de la Révolution de France... Paris: Poulet, 1815. V. 3. P. 336.
- ²⁴ *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1956. Т. 12. С. 52.
- ²⁵ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: в 20 т. М., 1969. Т. 8. С. 180.
- ²⁶ Там же. С. 208.
- ²⁷ Там же. С. 518.
- ²⁸ *Окунев Н.П.* Дневник москвича: в 2 кн. М., 1997. Кн. 2. С. 100.
- ²⁹ *Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л.* Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 339.
- ³⁰ *Boller P.F.Jr., Boller J.G.* They Never Said It: A Book of Fake Quotes, Misquotes, and Misleading Attributions. New York; Oxford, 1989. P. 70.
- ³¹ *Глаголев В.Ф.* Почему обостряется борьба двух идеологий. М., 1964. С. 36.
- ³² *Stannard D.E.* American Holocaust: The Conquest of the New World. New York; Oxford, 1992. P. 268.
- ³³ Legislation on Foreign Relations Through 2002. October 2003. V. 1 B. Washington, 2003. P. 58.